

Из записей в дневнике (отрывок)

Шёл календарь. Привычно. По листу.
Сменялись цифры, словно на посту.
Эпоха выбирала по запястьям
размер гвоздей да спины по кресту.
По ходу чисел умирали страсти,
и нечто неподвластное уму
делило их на сласти да напасти.
Второго больше, судя по всему.

Малые мистерии 2011 года - часть 1

Последний снег
идёт
последний снег
то жалкий то надсадный то надмирный
последний снег где белый свет померк
где каждого выводят на ночлег
отсчитывая души поквартирно
Лицом к забвенью
Если нет лица
то всё равно есть органы дыхания —

иные расположены в сердцах
иные дышат лишь в воспоминаньях
Из снега в снег
дышать
из праха в прах
Ни нити не останется ни тени
Возможно только эхо на камнях
где не дано ни страсти ни сомнений
атлантам отстоявшим на часах
и нашу жизнь и наше поколение
Когда минуют эти времена
да не одряхнут каменные мышцы
чтоб встретиться могли или проститься
во облацах апрельских
имена
В гордыне может быть или из лени
я поздно принял их предназначенье –
встречал не тех стучался не туда
хоть с рук не ел и не просил с коленей
не знал конца ни чувствам ни смятеньям
не понимал что в истине – беда
что реки подчиняются теченьям
где в русле бьётся вешняя вода
чтоб смысл сыскать своих сердцебиений

Сказание о семи сердцах

Семь сердец в ветреном теле.

Столик у окна.

В пиале настаивается свет луны на клюкве и самогоне.

Я пью эту влагу и вслушиваюсь в биенье моих сердец.

Одно из них

покоряет Эверест, пишет сонаты,

поднимается во весь рост на баррикадах,

подливает друзьям вино,

забывает поесть, надеть зимой шапку, выспаться.

Бесславно пытается примирить «желаю» и «должен»,

«нет» и «есть».

Другое

поёт на виоле да гамба (или виолончели?) –

страдает от аритмии и часто звучит мимо нот.

Замирает от сквозняков.

Дуреет от запахов оборванной сирени.

Скачет не хуже приматов.

Сходит с ума от сущих безделиц...

но готово жениться

только под дулом приставленного автомата.

Третье.

Бесконечные споры с разумом. Вплоть до патетики.

Через собственный телескоп рассматривает пространство и время.

Галактику. Вселенную. Бытие.

«Нет однозначных ответов!» - то ли Третье выстукивает во мне,

то ли ехидные рожи строит кто-то высоко вовне.

Есть ли на небе жизнь?

Следующее.

Соразмерное скуке. Работает как мотор. Всегда озабочено телом.

Занято вечно делом.

Служба. Порядок. Дом.

Пятое.

Оно мерит шагами побережье. В ритме волн.

Чаще ночью. По большей части – одно.

Поздней осенью его поступь сливается с поступью непогоды.

Оно – о потерях. Близких. Любимых. Учителей.

Звучание его с возрастом становится всё сильней.

Шестое.

Нашёптывает

шорохами прелых фантиков от шоколадных конфет,

шелестом старых газет,

звуками задёрнутых занавесок, что шила на зингере бабушка.

Нашёптывает о времени, которого больше нет.

Седьмое – последнее сердце по смете.

Иногда мне кажется, что только оно и реально.

Оно божественно – как колокольная медь.

Да только Седьмое – о смерти.

Дождь...дождь...дождь...

Закроешь дверь ключом – ключом откроешь путь.

На жизнь или на миг – вот Бог, а вот порог,

чтоб мыкалась душа, покуда эта ргуть

впивается в глаза и усмиряет смог.

До пуговиц промок
мой дождевик,
мой фрак.

Я думал, что сбегу, да вырваться не смог.

бессмыслен

вездесущ

суча кудельный мрак

среди луж петляет дух покинутых дорог

идёт

стучит

звучит

иностранна речь

она течёт себе не уставая течь

не различая дней

идей

и лиц

и слов

вдоль мёртвого былья по линии столбов

Мне видится, вот-вот мой нано-городок, от книги бытия до запахов

жилья, от тучи до листвы да парковых скамей, где всё и вся плывёт, и я

плыву, как все, мне видится, вот-вот, не истечёт и дня, сглотнёт

гигантский кит – суть инобытия.

не отличая цвет

от цвета

он на свет

нагрязнул массой всей

дальтоник-людоед

повсюду где огонь ему ночной буфет

игрок

и рок

пророк

свободен

одинок

он пьёт со стёкол свет

лениво пьёт но впрок

Химеры взяли след и щерятся у ног.

мой бедный городок

погас

погиб
истёк
пришла ему пора
пещерная пора
нет света
больше нет
от ночи до утра
Без марки, без письма, без адреса конверт –
так пусто.

И никак.

И жизни словно нет.

Набойка об асфальт чуть звякнула во тьме.

Так грош среди других сиротствует в суме.

Ионе - "вот наш кит"!

Ноль пишем, ноль в уме –

здесь цифр нет других ни в сумме, ни в суме.

Поскольку ни числа, ни меры ему несть,

наш ноль – один за всё,

единственная твердь.

Но я - ещё не он, а, значит, он – не смерть.

Мне только бы теперь до солнца дотерпеть.